ТЕАТР НА ПЕРЕПУТЬЕ

Ровно тридцать лет (юбилей отмечали в этом сезоне) в **Волгограде** существует **Новый экспериментальный театр — НЭТ**. Создал его и три десятилетия оставался бессменным руководителем режиссер **Отар Джангишерашвили**. Год назад он ушел из жизни, и театр остался без главного режиссера.

На тот момент репертуар НЭТа насчитывал 38 названий, 19–23 из которых каждый месяц попадали в афишу, а общее количество сыгранных спектаклей ежемесячно колебалось от 24 до 30 (за исключением самого начала и конца сезона). Чаще, естественно, игрались премьеры: **арбузовский «Город на заре»** был сыгран 12 раз за сезон, а **зоринская «Варшавская мелодия»** и вовсе девять раз за премьерный месяц. Количественную основу репертуара сохраняли комедии, в основном положений: четыре пьесы **Рэя Куни** в сумме были сыграны 25 раз, две комедии **Марка Камолетти** — 19, **«Тестостерон» Анджея Сарамоновича** — 13 и классическая репертуарная комедия **Алексея Толстого «Касатка»** — 15 раз. Но были в репертуаре театра и спектакли, игравшиеся совсем нечасто, но не сходящие с подмостков более двадцати лет. Спектакли, поставленные по «сокровищам мировой драматургии»: **гоголевской «Женитьбе», лермонтовскому «Маскараду», «Женитьбе Фигаро» Бомарше** и **шекспировским «Ромео и Джульетте».** С премьеры последней в постановке **Отара Джангишерашвили** и сценографии **Дмитрия Крымова** и началась история Нового экспериментального театра. Спустя тридцать лет, в последний год жизни главного режиссера, этот спектакль по-прежнему собирал полные залы и игрался шесть раз в сезон (восемь месяцев). Среди других репертуарных имен театра были **А.К. Толстой, Уильям Гибсон, Славомир Мрожек, Григорий Горин, Евгений Шварц, Леонид Леонов, Валентин Катаев, Василий Сигарев, Олег Богаев, Эрик-Эммануэль Шмитт** и другие.

Одним словом, театральное наследство, доставшееся городу после ушедшего из жизни главного режиссера, было весьма разнообразным (качественно и количественно), а главное, способным во всех смыслах (как материальном, так и «духовном») прокормить родной театр как минимум сезон-два. Неплохой временной запас, чтобы определиться, как жить дальше и в каком направлении двигаться.

«Горе от ума»

«Еще не вечер»

Существует, пожалуй, три основных пути развития авторского театра, оставшегося без своего создателя. Первый — именно к нему чаще всего стремится труппа, воспитанная ушедшим главным режиссером, — сохранение. Именно сохранение — не дать развалиться тому дорогому, что было создано, продолжать идти туда, куда направляла сильная рука руководителя театра. Условно говоря, найти того, кто «подхватит знамя». И вот этот-то первый путь не давался, кажется, никому за всю историю театра, несмотря на все попытки. Самый «мягкий» пример из современной театральной истории — Мастерская Петра Фоменко. Кажется, после ухода Петра Наумовича театр пошел именно по этому пути: ученик взял дело учителя в свои руки, но... это уже другой театр. Театр, по факту, пошедший по пути второму. Другой пример первого пути — Театр сатиры. После смерти Валентина Плучека очень логично и ожидаемо театр возглавил Александр Ширвиндт, опять же чтобы «сохранить». В какой-то мере это удалось, но «сохранение», увы, не значит «развитие». У всего — у театральной идеи в том числе — есть свои сроки хранения, которые имеют свойство подходить к концу. И хорошо, что в определенный момент театр это почувствовал и тоже начал постепенно разворачиваться ко второму пути.

Второй путь, собственно, — это путь реформ и, как следствие, развития. Старое сохраняется, поверяется новым, и постепенно театр приобретает новое лицо, за чертами которого ясно угадывается и узнается его прошлое. Театральная метаморфоза, за последние годы преобразившая, обновившая не один театр: и Маяковку, и Вахтанговский, и Пушкинский театры Москвы, к примеру. И здесь во главе театра требуется даже не столько талантливый режиссер, сколько умелый художественный руководитель, заботящийся о доставшемся ему наследии и не забывающий о будущем.

Наконец, третий путь — революционный. Полный слом старого ради строительства нового. На этом пути полумерами не обойтись. И главное, что требуется — это жесткий руководитель. Режиссер (чаще всего) с ярко выраженной художественной программой. Строитель авторского теат-

«Ромео и Джульетта»

ра. Это путь невероятно болезненный для всех, но могущий принести плоды. Так создавались в свое время БДТ и Таганка, так родились Гоголь-центр, Электротеатр.

Судя по тому, что происходит в НЭТе, руководство волгоградского комитета по культуре выбрало третий вариант.

Примерно за месяц до августовского назначения нового главного режиссера и художественного руководителя председатель Комитета по культуре Волгоградской областной думы **Александр Осипов** в общении с журналистами высказался о своем видении будущего Нового экспериментального театра: «Я не хочу раньше времени раскрывать всех подробностей, но могу сказать, что актеры НЭТа ждут новых постановок, которые будут существенно отличаться от того, что было раньше. Исчезнет ли слово НЭТ и пропадут ли работы Отара Джангишерашвили — покажет время. Сейчас зрителя ждут новые работы: в них задействуют не 5–6 человек с бедными декорациями, а десятки артистов с прекрасными сценическими решениями. <...> Вся российская театральная школа, наконец, идет к классической школе. Понимаете, все объелись натурализма на сцене. Зритель уже не хочет смотреть обнаженную натуру без всякого смысла. Когда начинают измываться над Шекспиром и делать из трагичных вещей а-ля комеди — это пошло. А от пошлятины надо уходить».

Если попробовать обобщить высказывание чиновника, то получается, что цель будущих изменений — классический театр с многофигурными постановками классики в красивых декорациях. И чистота жанра. И отсутствие «обнаженки». Примерно так.

Сразу возникает вопрос — что есть классический театр? Театр какой эпохи считать классическим? Какой театральный стиль брать за ориентир? Понятно, что все эти вопросы бессмысленны, поскольку, как только разговор о классическом театре поднимается в комитетах по культуре, ориентир остается одним. Очень приблизительным, поскольку никто из ныне живущих чиновников от культуры не застал оригинал. А оригинал, судя по всему, это все тот же легендарный МХАТ тех благословенных времен, когда все театры страны знали, на

«Стакан воды»

кого смотреть и учиться. Когда учение Станиславского было не учением Константина Сергеевича, а «учениемстанисловского» — в единое понятие, если не в одно слово.

Месяц спустя после озвученной Комитетом по культуре программы театру представили нового художественного руководителя и главного режиссера — **Никиту Ширяева**. Из одного новостного издания в другое кочевали ключевые, судя по всему, характеристики режиссера, обозначенные в пресс-релизе Комитета по культуре: «известен как специалист классической школы», «в театральных кругах считают приверженцем классической театральной школы», «является известным в театральных кругах специалистом классической школы». Так что можно было утверждать, что намерения с делом не разошлись.

Классическая школа Никиты Ширяева — это школа Георгия Товстоногова. Будучи если и не прямым учеником Георгия Александровича, Никита Ширяев тем не менее несколько лет проработал в БДТ под его руководством и всегда считал его учителем, будучи апологетом авторского режиссерского театра и сторонником сформулированной Товстоноговым идеи театра как добровольной диктатуры.

Ученик Товстоногова во главе — решение довольно многообещающее. Даже при болезненном разрушении прежнего театрального организма. В конце концов, считается ведь, что настоящей жизни театру отводится всего десять-пятнадцать лет, а дальше он или трансформируется, или умирает. Так что, оставляя в стороне этическую сторону вопроса, все дело было в том, каким будет то новое, которое предлагается возвести на месте старого. И вот тут начинались «но».

Прежде всего, имя Никиты Ширяева, практически никогда не выходило за пределы региональной прессы. Его спектакли театральному сообществу мало знакомы, а если и знакомы, то почти не зафиксированы театральной критикой. Тексты о его спектаклях, которые можно найти, сводятся по большей части к информационным статьям. Сорок лет театральной практики — и, фактически, никакого профессионального

Труппа театра

отклика. Подобное должно было бы насторожить Комитет по культуре, но, как все чаще это бывает в последнее время, театральные назначения зависят и совершаются совсем не теми людьми, которые разбираются в театральной ситуации.

Дальше режиссер толком не озвучил никакой внятной программы. С одной стороны, были разговоры об авторском театре, но с другой, все, что услышали зрители и актеры, сводилось к следующему: «Я бы не пришел в театр, если бы у меня было сделано все в этой жизни. <...> Конечно, есть много чего недоделанного, недореализованного. Это надо будет реализовывать». То есть, по сути, программа, завязанная не на создание или развитие театрального организма, а на завершение несделанного за прежние сорок лет режиссерской деятельности.

Но, в конце концов, не все режиссеры могут внятно и точно говорить о своей работе. Многим проще сделать, чем рассказать, а потому это несколько странное назначение еще могло оправдать себя — оставалось лишь дождаться первой премьеры, второй и, наконец, итогов первого сезона Никиты Ширяева на посту главного режиссера и художественного руководителя НЭТа.

За год Никита Ширяев выпустил три премьеры: «**Горе от ума**» **А.С. Грибоедова**, «**Еще не вечер**» по пьесе **Флорида Булякова** «**Выходили бабки замуж**» и «**День танкиста с пятнадцатью кошками над головой**» по «**Семейному портрету с посторонним**» **Степана Лобозерова**. Эти три спектакля, по логике, должны определять его режиссерскую программу. Ведь контракт заключен пока на один сезон, а значит, нужно показать то, что позволит работодателю, театру и зрителям осознать правильность назначения.

Сами названия, за исключением грибоедовской классики, выглядят необязательными. Полукомедии-полумелодрамы из псевдодеревенской жизни. Можно было бы говорить, что режиссер решил представить классический и современный репертуар, но беда в том, что современности этой уже больше четверти века. Выбор пьесы «Выходили бабки замуж» еще мож-

Отар Джангишерашвили

но было бы объяснить незанятостью возрастных актрис и желанием дать им, наконец, роли. Но актрисы, играющие спектакль «Еще не вечер» совсем не в том возрасте, когда на их долю остается лишь подобная драматургия...

Помимо необязательности выбранных Никитой Ширяевым названий, их отличает еще и очевидная вторичность в биографии самого режиссера (тут для исследования интернет дает достаточно визуального материала). «Горе от ума» в тех же декорациях и мизансценах девять лет назад было поставлено Ширяевым в Хабаровском краевом театре драмы. «Выходили бабки замуж» под тем же названием «Еще не вечер» и опять же в идентичных декорациях и мизансценах идут с 2016 года в Северском театре для детей и юношества, а семнадцать лет назад шли (не знаю, в каком виде) в Тамбовском драматическом театре под именем «Абдулла». «Семейный портрет с посторонним» также продолжает жить в Тамбовском и Северском театрах с 2002 и с 2016 года соответственно. И визуально, опять же, мало чем отличается от переименованной волгоградской версии.

То есть авторской программой режиссера, поставленного руководить новым театром, оказывается бесконечное самокопирование. И реализуется эта программа, как выясняется, уже не в первом театре.

Более того, самокопирование само по себе, будучи не этичным, преступлением не является. Скорее, это просто дурной тон и лишний «маячок» для театров, желающих найти себе руководителя, способного повести театр отличной от других дорогой. Но вот копирование под собственным именем труда других — это уже нарушение авторского права. Художником хабаровского «Горя от ума», сценография которого ничем не отличается от сценографии «Горя от ума» волгоградского, является **Владимир Левин**, а вот художником спектакля НЭТа назван уже сам Никита Ширяев.

Что касается художественной составляющей этих спектаклей и их соответствия классической школе, то говорить о каких-либо достоинствах не приходится.

«Горе от ума» чуть больше придумано. Некоторые мизансцены могли бы даже выглядеть интересно. Лет десять или пятнадцать назад, когда была настоящая премьера спектакля. На волгоградских актерах, несмотря на студенческий энтузиазм мо-

лодых исполнителей, спектакль выглядит как мундир с чужого плеча времен Очаковских (с настоящим интересом можно было бы поговорить разве что о работе **Алексея Жидкова** в роли Молчалина). Грибоедовский текст, кажется, не подвергается никаким купюрам, подается без особого чувства, редко с толком, но с обязательной расстановкой. Все, как написано, — реплика за репликой. Тем страннее, когда в финале вдруг реплика Чацкого: «Он здесь, притворщица!» — вдруг делится между Чацким и Молчалиным (Молчалин: Он здесь! Чацкий: Притворщица!). Причем Молчалин ее произносит так, словно всю сцену знал о присутствии Чацкого. Или вдруг Чацкий просит подсказать свою знаменитую последнюю реплику у зрительного зала. То есть на последних не минутах — секундах даже — спектакля режиссер пытается вдруг добиться интерактива, а второй частью поклонов, словно вспомнив о вечной актуальности классических текстов, резко актуализирует Грибоедова, заставляя Чацкого открывать рот под фонограмму Виктора Цоя «Красно-желтые дни». Зря что ли Цой пел «горе ты мое от ума»?..

Классические проходные спектакли, имя которым легион. Репризная подача ударных реплик, шаржированность актерской игры, нацеленная на сиюминутную зрительскую реакцию, разводка по мизансценам периода дорежиссерского театра... Мимо подобных спектаклей можно пройти и не заметить, если только они не подаются как новая жизнь старого театра.

О старом НЭТе спорили. Комитет по культуре говорил о необходимости сменить название — вернуть Русский драматический театр. Кто бы спорил, нельзя быть Новым экспериментальным театром на протяжении тридцати лет при одном режиссере и одной труппе. В этом смысле название себя исчерпало. Но зато сложилось другое — НЭТ. Никто ведь сегодня не думает о ленинском комсомоле, когда приходит на спектакли Марка Захарова? НЭТ может быть таким же брендом, как и Ленком. Да и является им в волгоградской культурной жизни. У него есть горячие поклонники, которых всегда хватало, чтобы играть по тридцать спектаклей в месяц, и не менее горячие противники, к чьим доводам тоже можно прислушиваться. Спектакли Никиты Ширяева горячих дискуссий не вызовут. Вернее, возмущение поклонников НЭТа пока слышится громко, но вот горячих слов в защиту новой театральной программы пока не раздается. А скоро и возмущение утихнет. Все утихает. И театр постепенно закончится очередным провинциальным (не в географическом значении этого слова) болотом, в него перестанут ходить. Задуманный Комитетом по культуре двухлетний ремонт театра тоже поспособствует забвению.

Вот только зачем забывать, если можно развивать и трансформировать? Если можно идти по второму пути. К сожалению, театру, в котором при главном режиссере не было практики режиссеров приглашенных, очень сложно найти себе нового главного режиссера. Но всегда можно разделить две слитые прежде должности — выбрать из труппы своего художественного руководителя и, живя собственным наследством, потратить год или два на поиски режиссеров. Благо в современном театральном мире эта схема многократно опробована. Приглашать режиссеров на постановки, устраивать лаборатории и искать, искать своего. Это работает.

Сейчас целый год уже потерян. Ни к чему хорошему это не привело. Из театра уходят актеры. Председатель волгоградского Комитета по культуре говорил о том, что репертуар должен был другим — классическим, без пошлостей. Но за этот год из репертуара ушли Шекспир, Бомарше, Горин, Скриб, Богаев. Куни и Камолетти игрались даже чаще, чем год назад. В два раза больше играли «Хомо эректус» Юрия Полякова, почти не играли Зорина. Премьеры ни на йоту не приблизили театр к абстрактной «классической русской школе». То есть НЭТ постепенно рассыпается, но ничего нового не создается. Так зачем разрушать?

Анастасия ИВАНОВА